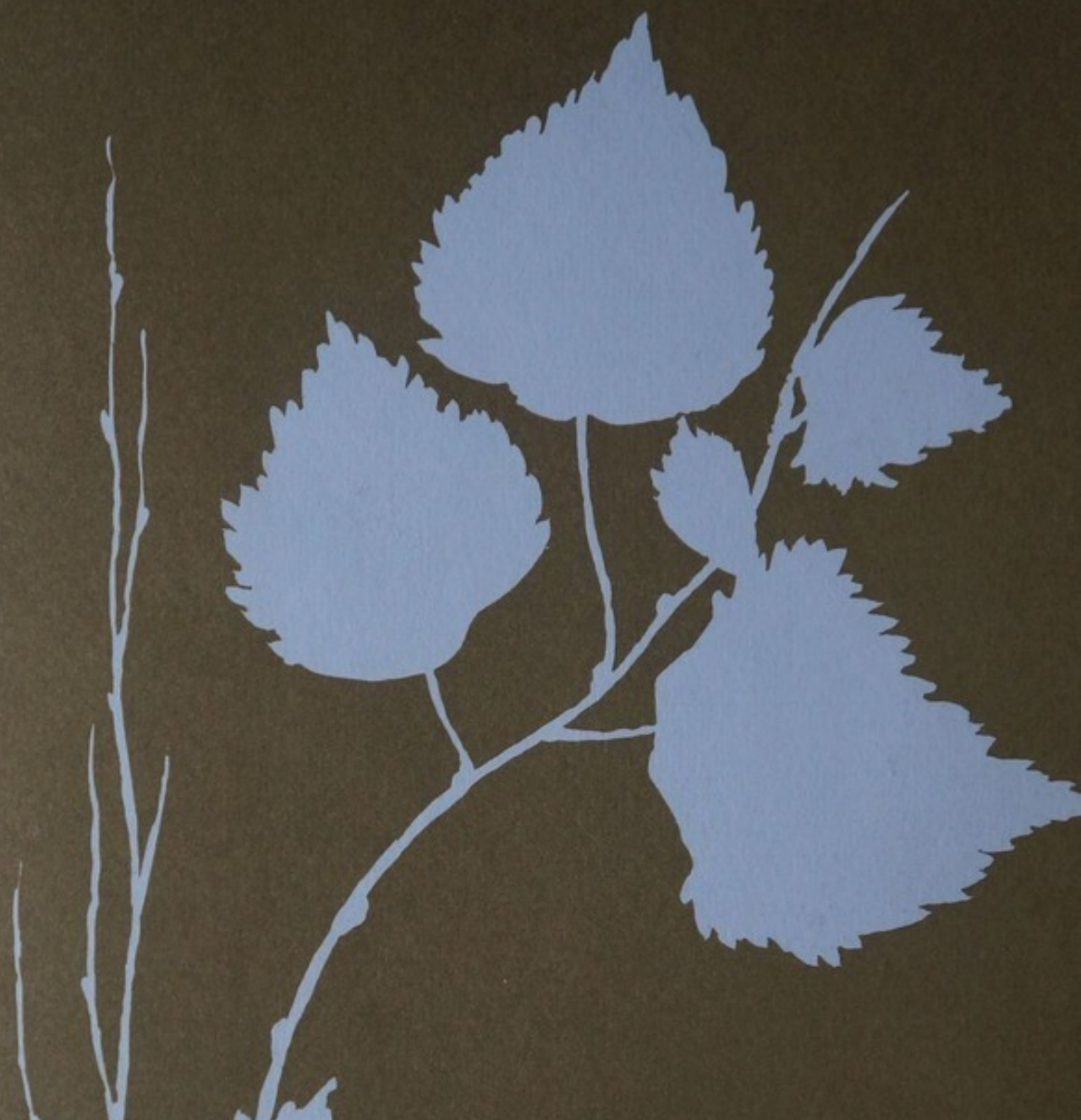

Геннадий Васильев

Акварели

Стихи и поэма

Геннадий Васильев
Акварели. Стихи и поэма

«Издательские решения»

Васильев Г.

Акварели. Стихи и поэма / Г. Васильев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505971-0

Новый сборник стихотворений Геннадия Васильева — привычная, пронзительная и глубокая лирика. Любовь, дружба, непреходящие ценности — темы поэтического исследования. Обложка — Валерий Кудринский. В книге использованы фото картин Валерия Кудринского, Юрия Попова, Александра Свердлова, Александра Левченко из частной коллекции автора книги.

ISBN 978-5-00-505971-0

© Васильев Г.
© Издательские решения

Содержание

Календарь	6
Январь	7
Февраль	8
1	8
2	8
Март	9
Апрель	10
Май	11
Июнь	12
Июль	13
Август	14
Сентябрь	15
Октябрь	16
Ноябрь	17
Декабрь	18
1	18
Акварели	19
«Позабуду старые печали...»	20
Осень	21
Мария	23
1	23
2	24
Рождество. Иосиф	26
1	26
2	26
Сретенье	28
Акварель	29
Художник	30
Три Грации	31
Грузия. Фрагменты	32
1	32
2	33
Скульптор Акакий Кабзинадзе	33
Старому другу	34
1	34
2	34
3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Акварели Стихи и поэма

Геннадий Васильев

© Геннадий Васильев, 2019

ISBN 978-5-0050-5971-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Календарь

Январь

Отдам я и вере, и верности дань.
В Крещенский сочельник парит Иордань.

Морозно. Над прорубью плавится пар.
Шлет колокол в ночь за ударом удар.

В небесной пыли растворятся шумы.
Мирское застынет на кромке зимы.

И станет светло на душе и в ночи.
И звезды сведут перекрестьем лучи.

Февраль

Февраль. Достать чернил – и плакать!
Б. Пастернак

1

Февраль. Чернил уж не достать, и плакать не о чем.
Снега скрипят. Ветра воют за своё.
Метель хлопчет за окном косматым неучем,
вслепую рыщет, ищет вход в мое жильё.

Февраль. Снега. Ветра гуляют. Тьма над крышами.
Щепотка чая. Кипяток. И наплевать!
Покуда пишется еще, покуда слышится —
пойду гулять.
Пойду чернила доставать.

2

Писать о феврале навзрыд...
Б. Пастернак

Ты будешь рыдать, и пурга за окошком подвоет,
и серое небо сохнет в соломенный жгут,
авто завопят, собираясь в колонну по двое...
А ты не спеши. Если надо – тебя подождут.

Тебя подождут, если надо. Пусть небо побесится,
грома насылая и молнии в гневе меча.
Рыдай, если хочешь.
Зеленое зеркало месяца
еще не тускнеет.
И не догорает свеча.

Март

Ленится дворник: лед не колот.
Конечно, март. Так что же – март?
В Сибири этот месяц долог.
Уже весна – еще зима.

И снег хрустящ, и ветер резок,
и на реке вода – паркет.
Гоня ногой снежка огрызок,
пацан смеется. Счастлив, шкет!

И я предчувствием взволнован.
Ну что же, дворник, ты заснул?
Взмахни в сердцах мятежным ломом!
Ломай паркет! Твори весну!

Апрель

Куда ты идешь? Для чего ты на землю ложишься?
В зените апрель, и пора уж на май уповать.
Ты скоро растаешь, тебя не оценят, дружище.
И в грязь тебя втопчут. И слез не дадут проливать.

Зачем этот снег? Для чего этот ветер колючий?
К чему эти серые тучи над темной горой?
В зените весна, и снежок запоздалый летучий
напрасно летит.
Он умрет, как последний герой.

Май

Еще не август, дорогая. Только май.
Еще не хлопают дожди по серым крышам.
И хлопот листьев на березе ясно слышен.
Весна.
И в небе – то звезда, то каравай.

Уже скребет скворец затылок коготком,
стремясь ремонта дать родимому жилищу.
Всего-то – май.
Но сердцу – радостней и чище.
Весна идет.
Зачем печалиться?
О ком?

Июнь

Ну, что ты нос повесил?
Зачем ты сам не свой?
Июнь. Округлый месяц,
оплаканый росой.

Взлелеян и взьерошен,
он – лета бахрома.
Весна – так это в прошлом.
А в будущем – зима?

Кого еще настигнет,
когда еще придет.
Стремителен, как «стингер»,
нечетный четный год.

Заглядываю в завтра —
печали нет как нет:
яичница на завтрак,
рассольник на обед.

И я – угрюм и весел,
и нос, и хвост – трубой!..
Июнь. Округлый месяц,
назначенный судьбой.

...Поют часы на башне
мелодию без слов.
Заглянешь в день вчерашний —
какое там число?

Июль

Июль. То жарит, то полощет,
то не дает покоя гнус.
Казалось бы, чего уж проще —
сказать: «Уеду – не вернусь!»

Сказать: «Прощай, угрюмый север,
прощай, печальная страна!»
...Вот к берегу по Енисею
бредет тяжелая волна.

Как пес, стелясь перед тобою,
лизнет подошвы: «Ну, плыви...»
И, заражен ее любовью,
ты задохнешься от любви.

Август

В Сибири август есть синоним осени.
Меняют цвет косматые леса.
Темнеют небеса. И паруса
дождей раздуты ветром.
Гнезда бросили
пернатые певцы, и весело
перед отлетом пробуют крыло.

Забиты погреба цветными банками
и печи прочищают дымоход,
сердито кашляя.
Кричит подранком и
спешит в сентябрь последний теплоход.
И важно, посреди погоды всей,
на север катит воды Енисей.

Сентябрь

Зачем нам лучшие дома, в которых делать нечего?
Не перекинуться словцом, винцом не чокнуться.
Зачем нам странные дома, в которых вечером
печалью светится лицо, и можно чокнуться?

Приходят поздние друзья – осенние оборвыши.
Ни горя с ними не хлебнуть, ни трубки выкурить.
Сентябрь мешает колера, заботой морщит лоб.
И уж теперь до октября его не выкурить.

Зачем нам новые дома? Нам в старых делать нечего.
Пойдем с тобой туда, где осень в пламень сложена.
Пойдем пораньше, а вернемся поздно вечером.
Сентябрь пылает, как куплет, удачно сложенный.

Октябрь

Раннее утро. Серое небо. Дождь со снегом.
Не было прежде такой печали: октябрь – в самом начале.
Что же тут нового? Что тут печалиться? Невидадь эка!
Это распутство меня почему-то не огорчает.

Сыплет летучий снежок анонсом зимы колючей.
Ловит пацан снежинки ртом, разбойник: мокрое дело!
Снова влезть в сапоги и калоши – это ль не случай!
Осень на голое тело дырявый халат надела.

Ноябрь

Ноябрьский сплин. Серебряная осень.
Халва небес – хоть мажь ее на кус.
И, медный звон в сердцах швыряя оземь,
звонарь зашелся. Гнев его – кургуз.

Короткий день сменяет заступ ночи.
Пора уснуть – поди, сочти до ста.
...Поет ли кто? Не то: река лопочет
и обещает скорый ледостав.

Декабрь

1

В почерневших ветвях не заблудится солнечный луч.
Он чуть-чуть поплутает – и выйдет опять на свободу.
Надо ж так исхитриться: и в ступе воды потолок —
и из ступы извлечь не только толченую воду.

Слово – тот воробей, что склюет из кормушки зерно,
прочиркает: «Чур меня!», крылышком чиркнет – и ходу.
Я – из племени меченых, коему право дано
бить по ветру крылом и слова отпускать на свободу.

Пусть сбиваются в стаи. Пусть ходят под рифмой и без,
не беду накликают – из бездны звезду извлекая.
В почерневших ветвях не споткнется осколок небес,
он чуть-чуть поплутает – и в небо вернется, сверкая.

Календарь декабрем выпадает. Вот-вот Рождество.
И подарки доспеют, и звездами небо заплачет.
С нами вот что случится: еще не увидев волхвов,
мы пойдем: что-то будет.
Кто-то грядет, не иначе.

2

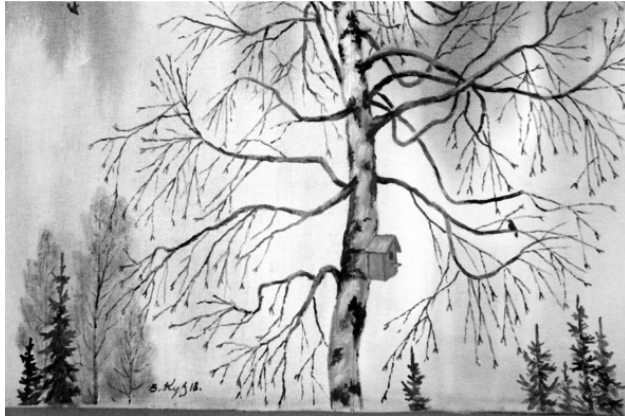
Декабрем календарь не кончается, нет.
Прокрадется сквозь шторы простуженный свет.
Пробирается свет. Распускается звон.
Длинноносая птица спешит на поклон.

Забинтовано небо аптечным бинтом.
Ртутный столбик с утра говорит не о том.
И стоит на своем, и упасть не спешит.
Ветер птице атласные перья пушит.

Робко прячется солнечный заяц в углу.
Пробирается луч сквозь молочную мглу.
В черных ветках, как в строчках, запутался день.
Распускается звон. Уменьшается тень.

Ты проснешься, стряхнешь с покрывала перо.
Удивишься – как вымахал за ночь сугроб,
как напуганный заяц глядит из угла...
И протянешь ладонь.
И расправишь крыла.

Акварели

Касанье о душу души
тогда не могло не оставить
ожога, тогда не могло
бесследно пройти для души.
Но нет: только легкий ушиб,
лишь нежности трата пустая.

...И только теперь обожгло
касанье о душу
души.

«Позабуду старые печали...»

Позабуду старые печали,
новую придумаю печаль.
Я и полюбить тебя – не чаял.
Мне и разлюбить тебя – не жаль.

Так ли? Зубоскаля над собою,
я сижу на кухне, как сверчок,
просклоняв «любовь, любви» – с любовью
разминаю пальцами бычок.

Дремлет кот, уткнувшись носом в угол,
тикает будильник-стукачок...
До конца положенного круга
сколько нам осталось, старичок?

Забывая старые замашки,
соблюдаю сдержанность в письме.
За окошком – клочья промокашки —
из снежинок состоящий снег.

Состоящий сплошь из аллегорий,
лунный свет ложится на бугор...
Дважды два – четыре. Горе – горе.
Счастья – нет. И кончим разговор.

Осень

Эта осень
пришла и дунула
серой сыростью
по полям.
Эта осень
сплеча придумала
почерневшие тополя.

Отыскав, проложила скатертью
к нам дорогу
издалека.
Перекатною голью катятся
перелетные облака.

То они закурлычат, жалуясь,
то они загогочут, злясь,
то на землю дождем пожалуют —
и разжалуют землю
в грязь...

Эта осень пришла
недобрая,
необычно пришла, не в срок.
Эта осень
перроном дрогнула,
убегающим
из-под ног.

И скатились
к нулю по Цельсию
две слезинки в колесный стон.
Неожиданна, как агрессия,
сыплет осень
сухим
листом.

* * *

*Мир был еще таким новым,
что многие вещи не имели названия,
и на них приходилось показывать пальцем.
Г.Г.Маркес. «Сто лет одиночества»*

Когда бы я знала, что ты уже был у меня

тогда, когда мир еще только терпел сотворенье,
когда еще не было белого стихотворенья,
когда еще не было ночи и не было дня,

когда бы я знала, когда б разглядела, любя,
тогда, когда тверди и тверди едва обозначив, —
«А может быть, как-нибудь все это переиначить
и сделать не так?» — так Творец размышлял про тебя,

поскольку еще про кого же ему размышлять?
Ни духа вокруг. Ни души. Ни слезинки, ни слова.
И переиначивал, и сотворял тебя снова.
Когда бы я знала. Когда б я могла это знать.

И был ты — и не был. И снова ты не был — и был.
И вот завершилось творенье. Когда бы я знала!
И мир, торопясь, становился всемирным вокзалом,
но в нем еще слышалось чистое пенье трубы.

Тогда, когда все объяснялись одним языком,
когда еще не родилось мастерство перевода,
и слово «свобода»... да не было слова «свобода»,
свобода еще не надела словесных оков.

Свобода была — как младенец: светла и нага,
никак не звалась и ничем себя не выдавала.
Она ликовала! Она, как дитя, ликовала!
Была она светом дневным — и теплом очага.

Слова не нужны, где теплом согревает очаг.
Где царствует свет — не важны очертанья предметов.
Когда бы я знала, когда б догадалась об этом —
все шло бы иначе. Скорее. Не так, как сейчас.

Не знала.
И время застыло на мертвых часах.
И сердце заньло, по жилам гоняя водицу.
И я поняла: еще час не назначен родиться
и мне, и тому, кто качнет мою жизнь на весах.

И небо моля, на лицо уложила ладонь,
закрыла глаза — и слышала голос далекий:
«Я был у тебя! Я давно уж стою на пороге!
Когда бы ты знала — я твой негасимый огонь!»

И вот я увидела: там, на краю, на краю,
у самой черты горизонта, на грани покоя
стоишь, молчаливый, и машешь кому-то рукою,
и машешь рукою — и в сторону смотришь мою.

Мария

1

Простишь ли, Мария, мне звук опрометчивый тот,
который, два имени накрепко соединивши,
смятенного духа и плоти уродливый плод,
свободу однажды обрел – о, Мария, простишь ли?

Простишь ли заплыванный пеной морскою причал,
куда я тебя провожать выходил на рассвете,
где после, с восходом луны, осторожно встречал,
где мокрый песок да рыбацкие дряхлые сети

висели на белых от высохшей соли столбах...
Ты каждую ночь приплывала на узенькой лодке.
И весело было – избавить тебя от рубах,
себя – от тоски и от страха!..
Звериной походкой,

точнее – побезжкой неслась за окошком луна.
В рыбацкой лачуге шарахались тени под лавки.
Простишь ли, Мария... Бокал азиатский вина
сильнее пьянил, чем теперешний спирт без разбавки.

Коптила свеча или лампа с плохим фитилем.
Под грязным стеклом рыжеватое морщилось пламя.
Лачуга казалась не то чтоб совсем кораблем —
скорлупкой рыбацкеей, замученной в море штормами.

А море и правда штормило. Мы слышали, как
ломаются волны о берег, просоленный, крепкий,
как ветер кряхтит, отрывая от гор облака,
швыряя с размаху их в белые хищные гребни.

И не было в мире греха, что считался б грехом,
поскольку хозяйничал дьявол от тверди до тверди.
И весело, весело было – единым глотком
бокал осушить, ожидая рассвета, как смерти!

Простишь ли, Мария... Рассвет был изящен и сух.
Уже не штормило, и берег блестел от ракушек.
И было расстаться легко.
Только, названный вслух,
тот звук опрометчивый крепче вязал наши души,
чем узел морской.

Щекотнула губами висок,
толкнулась легко, заскользила – все дальше... все ближе...
Причал опустевший, заплеванной пеной песок,
да волны ленивые берег просоленный лижут.

Мария! Мария! Бывает – шумит за окном,
то ливень шумит, то следы заметающий ветер, —
покажется вдруг: это море царапает дно,
совсем не фонарь, а луна одуревшая светит.

И я в подоконник упрусь, припадая к окну,
и вижу: на белых столбах – полусгнившие сети.
И узкая лодка плывет, попирая волну.
Все дальше от берега, все – вдалеке – неприметней.

2

Шьет Мария рубаху себе из холста.
Над Марией ночная висит темнота,
неподвижна. Лишь пламени чуткая тень
чуть качнется порой – и поскачут со стен
тень Марии, холста, тень иголки в руке,
тень свечи, тень печи, тень кольца в потолке,
на которой качается тень колыбели.
Спит младенец. Ах, как ему все надоели!

Как вы, Господи, все надоели ему!
Он проснется, уставится в теплую тьму,
что висит над Марией, над хижинкой, над
колыбелью, над миром, который не рад
ни Марии, ни новой рубахе ее,
ни младенцу, над миром, что весь – забытью.
Что ему этот сморщенный отпрыск недельный?
И заплачет в своей колыбели младенец.

И Мария, склонившись, отложит шитье,
и качнет колыбель, и на чадо свое
поглядит, как на чудо, увидеть стремясь
эту легкую нить, эту дивную связь
меж младенцем, что страхом полночным влеко, —
и холодного берега черным песком,
и заплеванной пеной прилива причалом,
у которого лодку волною качало...

А когда за окном задрожит темнота,
и Мария рубаху дошьет из холста,
и послушные тени отпляшут свое, —
на мгновенье Марию возьмет забытью.
И она в небесах не увидит звезду

и волхвам не откроет. А те подойдут
и, тихонечко стукнув доскою дверною,
не услышав ответа, пройдут стороною...

Рождество. Иосиф

1

Ах, у любви свои резоны,
свои золотые купола.
Опять, тепла не по сезону,
зима зимы не сберегла.
Снега становятся водицей,
к земле спешившею зазря.
И радость пьяная светится
на мокрой морде января.

И я бы выпил белой водки
или хоть красного вина...
И осязаемо, и кротко
раздвинет облако луна.
Возьму и выпью, я не гордый.
В бокал литого хрусталя
плесну – и чокнусь с мокрой мордой,
свою тревогу оголя.

И вновь. И разобью посуду!..
Ах, дорогой мой пьяный друг!
Ведь сколько ни готовься к чуду,
оно всегда приходит вдруг.
Оно всегда наступит сразу,
и горло сдавит немота.
И заготовленную фразу
не смогут вымолвить уста.

2

...Ну вот, ну вот: стезей ведомы,
робки, возвышенны, тихи,
идут тропой, подходят к дому,
плащами скрыты, пастухи.
И – чу! – меняется погода.
Слеза застынет на бегу.
И белой стружкой с небосвода
прорехи скроет на снегу.

И мир, и суетный, и бренный,
прозрачным станет, как слюда.
Светает. Пахнет свежим сеном.
А в небе
теплится

звезда.

Сретенье

Симеон не может умереть:
он Христа покуда не видел.
Дверь в его холодную обитель
смерть никак не может одолеть.

Что же за тревога Симеону?
Он хоть стар, пожить еще не прочь,
аккуратно счет ведет поклонам,
молится и молится всю ночь.

И снится тайная мечта
праведника в тишине обители:
вот бы никогда ему не видеть
этого блаженного Христа.

Так бы он и жил, другим на зависть,
и на убыль не пошли б года...
Но над Вифлеемом показалась
как-то ночью новая звезда.

Сделались и четче, и ясней
очертанья пламени над свечкой.
Пастухи, забыв своих овец,
принесли младенца из яслей.

Все, что дальше будет, знал заранее
праведник усердный Симеон:
в Иерусалимском Божьем храме
нового Христа увидит он,

и тогда возьмет его Господь
и зачтет молитвы и поклоны...
Ах, как не хотелось Симеону
покидать дряхлеющую плоть!

Но, когда к назначенному сроку
в храм внесли младенца, – пьян от слез,
Симеон, назначенный пророком,
вслух ему осанну произнес.

После вышел и не оглянулся,
промыслом Господним угнетен.
Той же ночью лег и не проснулся
праведник усердный Симеон.

Акварель

Валерию Кудринскому

Здесь так тихо и благостно так.
Солнце яркое, небо пустое.
Пахнут яблони терпким настоем,
утопает рябина в цветах.

Все струится желанием жить,
все стремится достичь совершенства.
И при помощи слова и жеста
ничего невозможно решить.

Ничего невозможно понять
в щебетании птичьим беспечном.
«Мир достроен, но жизнь бесконечна», —
очень просто на веру принять.

Очень просто поверить в себя
и в себе разобраться – и ахнуть.
Ах, как яблони искренне пахнут
и рябины цветами рябят!

Очень трудно сюда не прийти,
а придя – очень просто остаться,
с маетой повседневной расстаться
и былинку покоя найти.

Но прошел ветерок, и увлек
за собою мечтанья пустые.
И посыпались с яблонь цветы. И
я вспомнил, что путь мой – далек.

Художник

Юрию Попову на юбилей

Куда приводит наше ремесло,
которое мы втайне обретаем?
Холодный мир людей необитаем,
и нас сюда случайно занесло.

Как будто лампу вздули в темноте —
и озарили скудное пространство.
Неровен свет, он весь – непостоянство.
Фитиль дрожит – и внемлет пустоте.

Но выступает тень из темноты,
из пустоты выходят горлом звуки,
рождая образ, заставляя руки
готовить краски, грунтовать холсты.

Художник слеп, покуда в темноте
случайный свет не озарит детали.
Но – ремесло! Его мы обретали,
глота тьму и внемля пустоте.

Оно теперь уводит за порог,
мешает жить, полощет криком горло,
и, подхватив, возносит к высям горним,
хоть мир людей уже не так убог.

И вот уж с кистью спаяна рука,
и Чаша Озера явилась из тумана.
И Бог вздохнул, раздвинул облака —
и поглядел на мир глазами Пана.

Три Грации

*Марине Саввиных,
Румяне Визуковой,
Анне Киселевой*

*Явились мне три Грации вчера,
одна другой прекраснее сестра.
Явились наяву, а не во сне.
Теперь живут три Грации во мне.*

Твоих картин магическая ясность,
Твоих стихов кавказская пастель,
Твоих романсов подлинность и страстность —
и Светлый Лик, и Промысел, и Цель.

Будь счастлив, Дом, в котором это было,
в котором слово множится на звук!
Живут цветы, хоть озеро остыло.
Звучат стихи. Искусство сходит с рук.

Зачем поешь, и пишешь, и колышешь
Ты гладь холста, невинную досель?
Мы – не вольны, нам все дается свыше:
вот – Светлый Лик, и Промысел, и Цель.

Прекрасен мир, где царство светотени,
где слог в цене и музыка – в весне!
По моему ль, по Вашему хотенью —
прекрасен мир!
Три Грации – во мне!

Грузия. Фрагменты

1

О, горы Грузии! Языческий восторг
и христианский трепет неподдельный!

Горел сентябрь. Наш отпуск двухнедельный
стоял в зените. Плавился восток,

а вечерами запад напоказ
катил закат на алой колеснице.
И нам порой казалось: только снится
нам вольный край по имени Кавказ.

Тифлис дышал покоем и родством,
струил вино и аромат хинкали.
И «мамин хлеб» из дедовых пекарен
был так пахуч, что пахло волшебством!

И волшебством дышало всё: река —
ее валы желтели под мостами, —
и над рекой волшебный Пиросмани
держал барашка в бережных руках.

Волшебно пел булыжник под ногой,
мы шли наверх, к короне Нарикала.
И синева прозрачно намекала,
что пропустить пора бокал-другой.

Пылал в стекле рубиновый пожар.
Бокал вскипал лозою Алазани.
И мы у груши сердце вырезали —
нас грушей щедро одарил Важа.

И это было тоже волшебство —
грузин Важа (хоть правильнее – Важа;
порой, ища изящного пассажа,
мы не щадим буквально никого!),

и виноград, и сливы сизый бок,
и спелой груши мягкая истома!..
Нам хорошо. Мы далеко от дома.
Тифлис дышал.
И плавился восток.

2

Скульптор Акакий Кабзинадзе

Бронза от времени не стареет, лишь покрывается патиной.
Патина – не паутина, хоть время – паук.
Будь удача щедрей, она платила бы золотом или платиной
за одно только золотое сечение,
выходящее из-под этих рук.

Золотое сечение, бронзовое свечение.
Патина – тусклый отблеск ушедшего. Плотина. Препграда
у забвения на пути.
Бросить ли карты веером? Вздремнуть над кофейной гушей?
Впасть в искус столоверчения,
понять чтобы: чего он хочет?
Какую сагу бормочет?
Какой мотив?

Патина – не паутина. Искусство – не искус.
Культура – культова.
Бронза от времени не стареет. Она от времени требует
жарких объятий, лютой любви огня.
Будь удача мудрей, из паутины щедрот она б соткала мастерскую скульптору,
такую, чтобы вся бронза мира могла поместиться в ней —
и покрываться патиной, победно звеня.

Старому другу

1

Был январь.
На станции «Тайга»
мы вошли в святилище буфета.
Столики на выгнутых ногах
приняли измученных поэтов.

Мы вина спросили, а еда
нас тогда не слишком занимала.
На двоих была одна беда,
да и та бедой не называлась.

Бледный свет облизывал столы,
обходя стаканы с темной влагой.
Наши мысли были так стройны,
что пера просили и бумаги.

За окном кричали поезда,
от перрона счастье уплывало.
Нас манила дальняя езда.
Шел январь.
И денег было мало.

Мы тянули терпкое вино.
Был январь. Погода подвывала.
Мы не знали, сколько нам дано, —
вот беда.
А горя было мало.

2

Редеют старые леса.
Их не осталось
Мой друг уходит на глазах.
Виной – не старость
и не усталость, не недуг
непоправимый.
Я сам – виной.
И старый друг
проходит мимо.

Идет потерянный, ничей.
Кому-то нужен?
Река ссыхается в ручей.
Мелеет дружба.
Идет туда, где есть вино
и нет вопросов.
Нам было многое дано.
Талант – как посох.

И обопрешься, шаг шагнешь —
туда ли? Так ли?
К трактирной стойке припадешь —
конец спектакля.
В бокале крепкого вина
утонет Вера.
И вот – бессонница одна,
и нет Гомера.

...Поют хмельные голоса
под хлопот кружек.
Талант летит под небеса.
Кому-то нужен?

3

А помнишь терпкое вино
под бледный свет, под вой метели?
Как много было нам дано!
Как мало мы вернуть успели...

* * *

Оле и Мише

Вы, греки древние! Вы, славные этруски!
И ты, Израиль – переполненный вокзал!
Анализ крови показал, что я – не русский,
но, к сожалению, кто я – не показал.

Мой доктор, кланяясь истории болезни,
под микроскопом каплю крови изучал.
Его старанья оказались бесполезны:
он не сумел сыскать концов моих начал.

Туманно прошлое. А будущее – странно.
Как жить, не зная – кто ты: курд или мордва?

Какие страны для тебя – родные страны?
Какие буквы для тебя – свои слова?

Да так ли важно? Жизнь – сплошное лицедейство!
Арапство Пушкину поставить ли на вид?
В моей крови ничтожной толикой – еврейство,
а по культуре я – простой космополит.

Ну, вот и сказано. И можно ставить точку.
Вот-вот двенадцать будет – середина дня.
...В Москве живет моя единственная дочка,
с еврейским мужем на два голоса звеня.

Они звенят – и сердце тает, отлетая,
и мне плевать, кто я – хохол или грузин?
И мы живем – и дни по-разному считаем,
а дней все меньше, но все больше лет и зим.

...Двенадцать бьет. В Покровке выстрелила пушка.
День обозначился рожденною строкой.
Анализ слова показал, что я – не Пушкин.
Он показал, что я – Васильев. Но – какой!..

* * *

Живите, дети! Радуйтесь всему,
что вас отныне радовать возьмется:
и дальним – нам, и ближнему – тому,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.